

РЕЦЕНЗИИ

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами). Около 5500 немецких и 5500 русских терминов. I–II. "Помовский и партнеры". М., 1993. 760 с.

После выхода "Лингвистического энциклопедического словаря" [1], существенно обогатившего отечественную справочную литературу, трудно было ожидать скорого появления новых крупных словников обобщающего характера. Через короткое время такое событие тем не менее произошло, и лингвисты получили в пользование оригинальное издание в виде двухтомного переводного словаря лингвистических терминов, выполненного А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским на основе разработанной самими авторами машинной базы данных с применением персонального компьютера. Ввод терминов производится на немецком (I том) и русском (II том) языках с указанием английских эквивалентов для каждого термина. По своей тематике, функциям, приемам исполнения и многим другим параметрам данный словарь занимает особую позицию среди уже имеющихся справочных изданий по лингвистике. Завершенность внешней формы словаря (оба тома заполнены по всей алфавитной сетке) не скрывает, однако, поискового характера этого крупного труда, в котором составители предлагают лингвистам разных школ и направлений словник "нового поколения", предназначенный для пополнения лингвистических знаний по мере их совершенствования и развития.

Новой является сама концепция терминологического справочника по лингвистике, учитывающая не только современное состояние этой науки, но и специфические особенности терминологизации лингвистических знаний. Облегчается также доступ к информации. Ее системное и многопрофильное использование. Словарь удачно сочетает параметры переводного и толкового словника; как переводной словарь он сводит "под одну крышу" лингвистические термины трех языков (немецкого, русского и английского), вклад которых в языковедческую терминологию является, по признанию многих лингвистов, едва ли не самым значительным.

В. Абрахам, составитель словаря новейших лингвистических теорий [2], с сожалением отмечал в предисловии, что ему не удалось отразить в словаре, немецко-английском в своей основе, системы русской лингвистической терминологии, считающейся приоритетной в целом ряде областей языкознания. Рецензируемый словарь А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского ликвидирует эту лаку и дает в руки лингвистов разных национальных школ ценный справочный материал, отражающий современный уровень лингвистических знаний в измерении трех языков. Соотнесение терминологических систем трех языков в рамках одного словаря является, несомненно, сложной задачей, требующей от составителей немалых усилий по переводу на русский язык терминов, еще не имеющих устоявшихся эквивалентов; в этом отношении словарь выполняет отчасти и нормирующую функцию, что существенно повышает его научный потенциал и практическую ценность.

Несомненно удачной следует признать структуру словарной статьи, которая полностью отвечает основному замыслу авторов – создать лингвистический словарь широкого профиля "с точной информацией о значении термина и его системных связях" (с. 5).

Разрабатывая свою модель словарной статьи, авторы сумели учесть чисто практические моменты, столь важные для справочных изданий, и сделали словарь максимально удобным для пользователей. Качественность разработанной модели словаря проявляется не только в принципах отбора информации, но и в структурировании текстового пространства статьи. Словарная статья получилась достаточно информативной, компактной и обозримой благодаря ее членению на информационные зоны. Максимальное количество таких зон в словарной статье может быть пять; они отделяются в тексте с помощью различных графических средств, что облегчает пользование словарем. Например:

«Abhängigkeitsgrammatik die /-/ грамматика зависимостей ◇ (теория формального описания синтаксической структуры языковых выражений, предложенная Л. Теньером; см. *Dependenzgrammatik*) ◆ *dependency grammar*»; Зоны словарной статьи представляют собой блоки данных о термине. П е р в а я з о н а содержит термин в исходной форме. Все его варианты, включая композитные образования и термины-словосочетания, оформляются в виде самостоятельных статей. Поэтому словарь столь велик по количеству включенных в него единиц. Такой принцип расположения материала ничуть не препятствует установлению содержательных связей с ближайшими терминами. Отказ от принципа терминологического гнезда представляется вполне оправданным, поскольку облегчает поиск нужной единицы и не вводит в заблуждение относительно иерархической зависимости терминов друг от друга. В т о р а я з о н а словарной статьи содержит информацию о наиболее существенных грамматических характеристиках термина, о грамматических особенностях его употребления и произношения. Эта информация при всей ее стандартности является для лингвистической терминологии чрезвычайно существенной: каждый термин получает полный и точный грамматический паспорт, облегчающий пользователю применение еще недостаточно устойчивого аппарата, восходящего к разным языковым источникам. В т р е т ь е й з о н е даются перевод или переводы терминов. Три первые зоны обязательны почти для всех терминов. Ч е т в е р т а я з о н а заполняется в случае необходимости дать более подробный комментарий, уточняющий значение и употребление термина. П я т а я з о н а, выделяемая как и предыдущие зоны особым графическим знаком, отсылает к английским эквивалентам, к которым восходят многие термины современных лингвистических знаний, имеющих для составителей словаря неоспоримо приоритетное значение. Едва ли не центральное место по объему и насыщенности информации занимает в словарной статье зона комментария (4-я зона). Она отражает современный уровень представлений о научном содержании термина: кроме того, сюда введены сведения о происхождении термина (нередко с указанием его автора и тем самым лингвистической школы), о принадлежности той или иной лингвистической теории, в рамках которой он и должен интерпрети-

роваться, о перекрестных связях с другими терминами. При необходимости в словарную статью включается иллюстративный материал, раскрывающий сущность называемого термином явления:

«Kodetheorie die /-/ теория языковых кодов ◇ (социолингвистическая концепция Б. Бернштейна, согласно которой различные социальные группы, говорящие на одном языке, пользуются различными кодами; см. также *Defizithypothese*, *Sprachbarriere*, *kompensatorische Spracherziehung*, *einborierter Kode*, *restringierter Kode*)».

«Gestalt die (=, -en) гештальт ◆ (когнитивная и психическая структура, определяющая человеческое восприятие и интерпретацию действительности и не сводимая к простой сумме составляющих; термин гештальт-психологии и когнитивной лингвистики; см. также *Frame*) ◆ *Gestalt*».

«Klammername der (-ns, -n) имя с опущенным срединным компонентом (например, *Fischteichwiese* → *Fischwiese*) ◆ *blend*, *portmanteauword*, *telescoped word*».

Четвертая зона словарной статьи является открытой для разного рода информации о содержательной стороне термина. Отбор этой информации составители словаря производят в зависимости от того, насколько важной и новой она может оказаться для пользователя. В этом отборе автора не удалось избежать некоторого субъективизма, поэтому часть терминов не получили толкования в четвертой зоне.

Благодаря выделению зоны комментария словарь оказывается способным выполнять не только функции переводного словаря: он сближается с толковыми лингвистическими словарями, конкурируя с ними по признаку большей компактности представления наиболее важной информации, которая может быть расширена сведениями собственно толковых словарей. Комментарии сопровождаются в словаре прежде всего термины относительно новых лингвистических дисциплин, таких, как трансформационная порождающая грамматика, семантика, лингвистическая прагматика, теория речевых актов, прикладная лингвистика и лингвистические аспекты искусственного интеллекта, теория речевой коммуникации, стратификационная грамматика, теория валентностей, лингвистика текста, глоссематика, дескриптивная лингвистика и т.д. Наряду с указаниями на современные теории в словаре отмечаются и традиционные направления лингвистики, но весьма избирательно и менее информативно. Перечень этих направлений

очень невелик. Они представляют, например, такие области: ономастику, фигуры речи, теорию стихосложения, (экспериментальную) фонетику и др. Среди терминов традиционной тематики особый интерес представляет слой терминов, принадлежащих германистике, типа *Angabe die* (=, -n) обстоятельство образа действия, *sentenzial* обстоятельство образа действия и др.

Немецкий язык, выступающий базовым языком первого тома словаря, предопределил включение довольно большого числа терминов из области германистики, которая имеет длительную традицию и некоторую специфику терминообразования. Расширение базы данных словника за счет терминологии германистики вполне оправдано и не противоречит основному замыслу авторов словаря, создававших свой труд с ориентацией на современные теории лингвистики. Вместе с тем, значение терминов германистики раскрывается в словаре менее полно по сравнению с терминами современных лингвистических учений. Зона толкований ограничивается нередко самой общей информацией о термине. Для характеристики такого ключевого в германистике термина, как *Rahmenkonstruktion*, явно недостаточно одного только перевода – "рамочная конструкция". Отсылочные слова – *Satzrahmen*, *Satzklammer*, *nominaler Rahmen*, *verbaler Rahmen* также не вносят ясности в содержание этого термина, так как при них отсутствуют необходимые комментарии. В результате возникает замкнутый терминологический круг, в котором термины определяются друг через друга. При отборе терминов германистики перед составителями словаря, несомненно, стояла довольно трудная задача: выделить в огромной массе детально разработанных и чрезвычайно вариативных терминов германистики некий общий, стандартный фонд, отражающий основные разделы этой научной дисциплины и ее современное состояние. В этой части словарь, бесспорно, может служить надежным источником точных сведений и удовлетворять профессиональные запросы германистов разных школ и направлений. Вместе с тем, данный фонд терминов германистики нельзя считать исчерпывающим; в нем обнаруживаются явные лакуны, которые легко могут быть устранены при дальнейшем пополнении базы данных. Так, выпал из поля зрения авторов такой

употребительный термин, как "*Satzbau*", отражающий разработанную в германистике версию "структуры предложения". Не зафиксирован в словаре и термин "*Gebrauchstexte*" "литература бытового назначения", весьма существенный для характеристики жанров немецкоязычной литературы. Несмотря на некоторую неполноту сведений из области германистики, бесспорна заслуга составителей в отборе терминологических единиц, в установлении их принадлежности и систематизации парадигматических связей между отдельными терминами – синонимическими, антонимическими, когипонимическими, инклюзивными.

Первый том словаря содержит не только весомый корпус лингвистических терминов, но и важный теоретический раздел, в котором составители словаря высказывают свои суждения о сущности лингвистической терминологии и перспективах ее развития как составной части науковедения и лексикографии. Обширная лексикографическая работа, проделанная составителями словаря, со всей очевидностью демонстрирует своеобразие лингвистического знания, которое заключается в значительном "терминологическом разнообразии" [3], в "перескакивании терминов со значения на форму и наоборот" [4], в обилии интерпретаций одного и того же термина, а также в наличии синонимов между терминами разных лингвистических парадигм. Составители словаря стремятся найти убедительное объяснение такого состояния лингвистической терминологии, опираясь на понятие "миры лингвистической терминологии", т.е. некие терминологические субсистемы или модули, не связанные только определенными школами и направлениями в языкознании, а представляющие собой, по всей видимости, диффузные системы, взаимодействующие друг с другом под влиянием различных факторов и пополняющихся по мере развития лингвистических знаний новыми терминологическими единицами. При этом справедливо подчеркивается, что "отсутствие соответствий между лингвистическими теориями и модулями лингвистической терминологии существенно осложняет работу исследователя, поскольку некоторые модули практически непередаваемы в терминологические миры другого языка" (стр. 289).

Из краткого теоретического фрагмента, содержащего яркие и убедительные примеры из истории формирования на базе немецкого языка некоторых

лингвистических концепций (в частности, теории Л. Вейсгербера), становится понятной сложность терминологического представления лингвистических дисциплин при одновременном учете нескольких языков, фиксирующих различия национальных научных школ.

Не давая однозначного ответа на вопрос о том, сколько миров существует в лингвистической терминологии и как соотносится с ними уровневое строение языка (фонология, морфология, синтаксис, лексика), авторы словаря подчеркивают приоритет модульного представления лингвистических знаний. С его помощью может быть раскрыто все многообразие междисциплинарных связей лингвистики, ее выходы в философию, логику, физику (акустику), кибернетику, теорию информации, литературоведение, культурологию, историю и многие другие научные дисциплины, в сфере которых следует искать потенциальные источники пополнения метаязыка лингвистики. В приложении к словарю даются тезаурусные своды терминов отдельных дисциплин, в которых уже сложился устойчивый терминологический аппарат и обнаруживаются устойчивые тенденции к его дальнейшему пополнению и внедрению в общелингвистический фонд терминов – термины когнитивной науки, семиотики, прагматики, теории диалога, теории речевой коммуникации, логического анализа естественного языка. Материалы приложения к первому тому имеют самостоятельную научную ценность; они раскрывают перспективы развития терминоведения как науки, в сфере которой возможно применение когнитивного подхода; с когнитивной точки зрения словарь можно рассматривать не только как инструмент фиксации и хранения знаний, но и как инструмент онтологизации знаний, т.е. "как инструмент, обеспечивающий понимание знания, стоящего за термином, и его вербализацию" (стр. 30).

Второй том представляет собой обратный словарь с вводом терминов на русском языке и четырьмя информационными зонами: зоной перевода на немецкий язык, зоной грамматической информации, комментария, полностью совпадающего с толкованием терминов в I томе, и зоной английского эквивалента: «дерево зависимости *Abhängigkeitsbaum der/ -(e)s*, *Abhängigkeitsbäume* (способ формального описания синтаксической структуры предложения; предложен Л. Теньером) *dependence tree*».

Русско-немецкий словарь снабжен, как и первый том, чрезвычайно полезными дополнительными материалами. В него включены англо-немецко-русский индекс, который позволяет читателю через английский термин выйти на немецкие и русские соответствия, зафиксированные в основном корпусе словаря: *assertion*; *Affirmation*, *Assertion*, *Behauptung*, *Bejahung*, *Bestätigung*; подтверждение, утверждение.

Тематические указатели второго тома также облегчают поиск нужной лингвистической информации, упорядоченной в основном корпусе словаря в алфавитном порядке. Авторы выделили ключевые слова и сгруппировали вокруг них наиболее важные лингвистические понятия и термины-словосочетания. Например, в немецком тематическом указателе слово "*Bedeutung*" зафиксировано в 70 позициях – от "*abgeleitete Bedeutung*" до "*wörtliche Bedeutung*". В русском тематическом указателе информация, связанная с соответствующей основой "значен", также представлена по принципу "гнезда", где каждая терминологическая единица указывает на словарную статью базового словаря.

По замыслу авторов второй том словаря предназначен для понимания и перевода текстов на немецкий язык, в то время как первый том имеет более широкую базу для пользователей и позволяет синтезировать тексты лингвистической тематики. Вопрос о качестве синтезированных с помощью словаря текстов на русском языке остается пока чисто теоретическим. Эти возможности словаря могут быть проверены лишь через практику пользования словарем людьми с разным уровнем лингвистических знаний и информационных ожиданий. Однако уже сейчас очевидно, что при первом тираже в 1000 экземпляров данное издание уже в момент своего появления становится редкостью и не дойдет, к сожалению, до заинтересованных в нем читателей.

При подготовке новых изданий этого очень информативного и многофункционального словаря желательно было бы расширить базу терминов традиционной лингвистической тематики и дать к ним более развернутые толкования. Некоторая дискриминация традиционных дисциплин языкознания отразилась в данном издании словаря в двух существенных моментах. Во-первых, часть традиционных терминов не получили в словаре комментария, они снабжены лишь переводами, видимо, в расчете на достаточную осведомленность

читателей. Тем самым, термины, включенные в словарь без содержательного комментария, могут быть истолкованы либо как принадлежащие к слою терминов, стоящих над всеми современными течениями лингвистики, либо как относящиеся к традиционным дисциплинам, которые специально не выделяются, но их существование подразумевается, нередко благодаря разного рода косвенным данным комментирующей зоны: «Architektonik die é/= архитектоника (формальное членение текста на части, главы, абзацы, предложения и т.п.; термин Э. Ризель) architectonics». Во-вторых, традиционные термины представлены избирательно; они охватывают главным образом наиболее универсальные лингвистические понятия и не отражают разнообразный набор частных дисциплин исторического, стилистического, риторического, функционально-грамматического, диалектологического профиля. Традиционная тематика могла бы быть отражена в словаре более широко и открыто, тем более что в ее недрах происходят существенные изменения, в результате которых терминологическая база постоянно пополняется новыми понятиями, ср.: natürliche Morphologie, Diasystem, Komprimierung, Entpersönlichung и т.д.

Следует отметить, что переводы немецких лингвистических терминов на русский язык дают в словаре множество примеров очень удачных переводческих решений, найденных составителями словаря. В перспективе они могут получить нормативный статус. Однако среди переводов встречаются и не вполне точные и неполные транслаты или явные буквализмы. Например, термин *Spracherwerb* может обозначать не только "овладение

языком", но "овладение родным языком или любым первым"; термин *Ausgleichssprache* обозначает не столько "наддиалектный вариант", сколько "язык выравнивания" (как одна из стадий процесса унификации территориальных вариантов языка); *Sprachpflege* передается как "забота о языке", хотя в данном случае для переводческих целей подошел бы и перевод "культура речи".

Встречающиеся в словаре неточности имеют эпизодический характер и вполне допустимы для справочного труда такого большого масштаба. Бесспорное преимущество словаря заключается в возможности максимально учесть потребности самого широкого круга людей, заинтересованных в разного рода лингвистической информации, обработанной с учетом современного этапа развития лингвистики как комплексной науки. Словарь, безусловно, способен выполнять много функций и решать широкие коммуникативные, просветительные и нормирующие задачи, среди которых не столь абстрактным кажется желание авторов попытаться с помощью словаря "сформировать определенный тип знаний" и "ввести их в модель мира адресата". (стр. 302).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Abraham W. Terminologie zur neueren Linguistik. 2, völlig neu bearbeitete und erweiterte Aufl. Tübingen, 1988.
3. Адмони В.Г. Структурно-смысловое ядро предложения. В сб.: Члены предложения в языках различных типов. Л., 1971. С. 35.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 36.

Н.С. Бабенко

Рожественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. 172 с.

Появление нового обобщающего исследования Т.В. Рожественской, доцента кафедры русского языка Санкт-Петербургского университета, хорошо известной в научном мире как неутомимый собиратель и вдумчивый интерпретатор древнерусской эпиграфики, важно уже хотя бы потому, что все выходившие до сих пор издания надписей осуществлялись историками, уделявшими весьма мало внимания лингвистичес-

кой стороне публикуемых текстов, нередко – как убедительно показал в недавней статье В.Л. Янин в [1] – в ущерб пониманию смысла самих надписей. Т.В. Рожественская не только вводит в научный оборот множество не публиковавшихся ранее граффити XI–XV вв., которые сохранились на стенах храмов Новгорода, Ладоги, Полоцка, Галича, и предлагает на основе палеографических, языковых, археолого-архитек-